

«Хорошие слова» русского поэта, жившего в Болгарии

“Good Words” of the Russian Poet, Living in Bulgaria

Ирина Захаријева

(София, Болгария)

Абстракт:

Статья посвящена анализу поэтической книги Сергея Литвиненко — русского поэта, жившего в Болгарии. Тематика стихотворений свидетельствует о ностальгии русского автора и о привязанности ко второй родине — Болгарии. Выделены формальные качества лирического самовыражения в книге и приоритет эстетических переживаний смысла.

Ключевые слова:

поэзия; билингвизм; ностальгия; традиция; семантика; одиночество

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the poetry book of Sergei Litvinenko, a Russian poet who lived in Bulgaria. The theme of the poems testifies to the nostalgia of the Russian author and the attachment to his second homeland—Bulgaria. The formal qualities of lyrical self-expression in the book and the priority of aesthetic sense experiences are singled out.

Key words:

poetry; bilingualism; nostalgia; tradition; semantics; loneliness

Сергей Литвиненко родом из Сибири, появился на свет в 1957 году в г. Купино Новосибирской области. До выезда за рубеж он успел поездить по обширным пространствам Украины и Средней Азии. Среднюю школу окончил в Таджикистане, в г. Душанбе. Учился в Москве в Литературном институте им А. М. Горького, участвовал в семинаре поэтического перевода под руководством профессора Льва Озерова. Преддипломную практику проходил в Софии, в журнале «Картинная галерея».

В Болгарию переселился в 1984 году. Работал экскурсоводом в Национальном историческом музее, занимался редакторской деятельностью в журналах «Картинная галерея» и «Жената днес» («Болгарская женщина»).

Несомненной заслугой С. Литвиненко признано основание «Арт-театра» — первого частного театра в Болгарии при Российском Культурно-информационном Центре в болгарской столице. На софийской сцене театр поставил оригинальные пьесы русского автора «Колобок», «Игра в войну», а также переложения сказок «Снежная королева», «Маленький принц» и др. В «Арт-театре» Литвиненко создавал спектакли, связанные с жизнью и творчеством Анны Ахматовой и Марины Цветаевой. Красноречивы их заглавия: «Помолитесь обо мне» и «Объяснение в любви». Литвиненко переводил на русский язык популярных болгарских поэтов Ивана Давидкова, Надю Попову; перевел на русский язык труд проф. Юлиана Вучкова «Краткая история мировой драматургии» (книга издана в Москве в 2011 году). Регулярно публиковался в болгарских и русских периодических изданиях, обнаруживая влечение к литературным текстам различных жанров: статья, эссе, диалог, перевод и пр.

Книга «Хорошие слова»¹ создавалась поэтом на русском и болгарском языках и предстала первым сводом его стихотворений, написанных в разные годы.

Первой отозвалась на выход книги Атанаска Методиева — молодой литературный критик, насчитывающий уже около тридцати публикаций. В статье с метафорическим заглавием «Двуликят Янус — в смисъла на битието» она констатировала: «Книгата на билингва естествено създава поетическо битие в две културни посоки — руската съдба и българското ѝ изживяване» («Литературен свят», бр. 56, ноември 2013).

Вводная заметка к «Хорошим словам» принадлежит Любомиру Левчеву — знаменитому болгарскому поэту старшего поколения. Текст озаглавлен оценочно: «Точность хороших слов». Л. Левчев пишет о своих личных взаимоотношениях с Литвиненко и замечает, что стихи, написанные на болгарском языке, особенно памятны ему. Автор предисловия назвал книгу

1 LITVINENKO, S.: *Chorošije slova*. Sofija: Multiprint, 2013. Цитирование в данной статье осуществляется из описанной книги с указанием страницы.

«мостом, построенным из хороших слов, с двумя башнями на двух берегах»².

С двух сторон обложки, подобно слегка измененному зеркальному отражению, помещены две черно-белых фотографии автора. Поэт уловлен в миг задумчивости и готовности общаться с читателем.

Стихотворение «Обыкновенность» посвящено Ивану Давидкову, которого Литвиненко переводил на русский язык. Вступив в общение с братом по музе, автор призывает его отказаться хотя бы на время от «прозы жизни» и распахнуть «окошко в небеса»³. На болгарской почве у него заметна ностальгия по творческим связям.

Отдельное посвящение находим и музыканту Атанасу Куртеву («Полет»). Рисуется сольное исполнение на фортепиано, превращающее концертный зал в «космический корабль», а звуки повисают словно сталактиты «в сказочной пещере»⁴.

Внутреннее преодоление *прозы жизни* составляет обобщенный сюжет стихотворного сборника. Состояние поэта требует каждодневного душевного преодоления («Опять апрель. Упадок сил. / Дух сломлен авитаминозом. / Но все ж мы в дьявольском такси / Летим навстречу майским грозам»). И тут, «в безлюдье», он ожидает прихода художника, но не уверен, нужен ли живописец скучной местности («Пора классические кисти / Вам поменять на помело!»⁵).

Трудно переживаются и зачистившиеся с годами бессонные ночи: «...прожит день. В это время давно пора спать. / Как ни странно, день все-таки прожит» («Бессоница»⁶). Осознание неблагополучия в настоящем — повод поделиться с воображаемым читателем-другом («уйдя недалеко в своих путях, / я потерял себя — невелика потеря — / забыл, оставил где-то второпях» — «Потеря»⁷). Сюжетное продолжение миниатюры говорит о том, что потеря все-таки велика: «Я потерял себя и мир на время замер. / Лишь механически пульсируют часы. / В упор / своими ясными / глазами / глядит в глаза мне маленький мой сын...»⁸.

Одиночество преодолевается у Литвиненко страстью к передвижению в пространстве. Стихотворный текст, открывающийся эпитафией из Роберта Бернса («В горах мое сердце...») находит подтверждение в стихах: «Иду сквозь

2 LITVINENKO, S.: *Chorošije slova*. Sofija: Multiprint, 2013, s. 6.

3 Ibidem, s. 8.

4 Ibidem, s. 9.

5 Ibidem, s. 10.

6 Ibidem, s. 12.

7 Ibidem, s. 16.

8 Ibidem, s. 16.

облака. / Меж небом и землей / ступенькой в небо врезана вершина. / И кажется, что все еще свершимо, / И не всему — развеяться золой!»⁹. Своим желанным домом он называет палатку «над обрывом», а в настойчивой устремленности к высокогорной тематике в чем-то сближается с Владимиром Высоцким.

В стихотворении «Улица светлячков» лирический говоритель задумывается о главной ценности жизни, вовлекая в текст великолепную *световую* картину: «Сияли звезды и сверкали светлячки. / Внизу светился город. Было лето. / Не верь глазам своим, мой друг, надень очки — не может быть во тьме так много света!»¹⁰. Следует выражение готовности лирика жить «без дружбы, без любви и без гроша» — лишь бы сохранить *свечение души*.

Упрек поэта обращен к переживаемому времени. Опираясь в эпиграфе на пушкинские строки из «Моцарта и Сальери» («Средь наслаждений жизни / Одной любви музыка уступает»), Литвиненко приходит к выводу, что в настоящем нет необходимости коварному Сальери травить гениального Моцарта, потому что само искусство обесценилось: «В крови и грязи, в грязи и крови / Зло стало чуть добрей. Добро — чуть злее. / Давно нет в мире места для любви. / А музыка — как мумия в музее...»¹¹.

Шекспир привлек внимание автора в стихотворении «Который месяц...». Погрузившись в шекспировский сонет № 66, поэт нашел в сжатой форме предельно обобщенный смысл: «Такие бездны нам открылись вдруг... / И, право, ничего уже не жаль, / осталась только вечная печаль... / Читать Шекспира, в общем-то полезно!»¹².

Проявив готовность читать Шекспира в англоязычном оригинале, поэт протестует против мирового стеснения русского языка за счет английского: «Язык английский нынче режет ухо, / И где Надежда наша, / Вера и Любовь?!»¹³. С нежностью вспоминает он учительницу Надежду Николаевну, учившую его «родному русскому языку».

Литературной теме посвящено «Воспоминание в доме Герцена» с эпиграфом из М. Ю. Лермонтова «Печально я гляжу на наше поколенье». Отделив от настоящего свое старшее поколение, поэт вспоминает: «Мы подражали Пастернаку, Мандельштаму, и даже Вознесенскому Андрею»; «...А наши девочки писали под Ахматову, или под Ахмадулину, под Белу»¹⁴. Но литературное

9 LITVINENKO, S.: *Chorošije slova*. Sofija: Multiprint, 2013, s. 18.

10 Ibidem, s. 28.

11 Ibidem, s. 29.

12 Ibidem, s. 30.

13 Ibidem, s. 44.

14 Ibidem, s. 46.

прошлое — «век золотой» и «век серебряный» — лишились былого внимания со стороны читателей. И наступил «пещерный наш, компьютерный» век¹⁵. От восторжествавшего потребительства «на душе давно — не приторно, а муторно»¹⁶.

В век компьютерный усиливается самоизоляция творческой личности («Коммуникация»). Поэт остро переживает нарушение связи с читателем («Ну как же мне доверить Интернету, / что чувства добрые я лирой пробуждал? / Ну, настроил, послал. Ответа нету! / А я так ждал. Я терпеливо ждал!»). Без непосредственной реакции читателя теряется смысл сотворенного.

Недовольство собой приводит поэта к недовольству своей жизнью («Жалоба»). Стихотворению предпослан эпитафия из Сергея Есенина «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» Фоном для стихотворения служит осенний пейзаж с увядающими листьями деревьев. Авторское признание гласит: «...захандрил я. Захворал совсем»¹⁷. Больше всего его угнетает одиночество / «Позвонить мне, братцы в общем, некому. / Да и отключили телефон» /. В переключке с Есениным звучит финал стихотворения: «Жизнь прошла. Иль это только кажется, что она действительно была?»¹⁸.

В стихотворении о Болгарии «Вторая родина» поэт поражается нежеланным переменам на родной когда-то болгарской земле: «Я не могу узнать мою Болгарию, / Болгарию, которую люблю!»: «Вокруг одни рабы и дерибей, / и в истину играющая ложь»; «твой рай земной преобразился в ад»¹⁹. Он мечтает о возрождении любимой страны.

Из-за потускневшей атмосферы в стране жизнь теряет для него привлекательность («...живу день ото дня, / как Робинзон без Пятницы, как пепел без огня»²⁰).

Русскоязычная половина поэтического сборника завершается «Автоэпитафией», связанной с характеристикой собственного облика и деятельности: «Он нравом был немного дикий, но и поэт — пусть небольшой!»²¹. Несмотря на вездесущую самоиронию, автор вполне адекватно себя оценивает.

Поэтический дар Сергея Литвиненко говорит сам за себя на страницах книги «Хорошие слова». Болгароязычная половина той же самой книги

15 LITVINENKO, S.: *Chorošije slova*. Sofija: Multiprint, 2013, s. 46.

16 Ibidem, s. 47.

17 Ibidem, s. 31.

18 Ibidem.

19 Ibidem, s. 49.

20 Ibidem, s. 51.

21 Ibidem, s. 53.

(«Добри думи») содержит иные тексты поэта-билингва. В этой части сборника сконцентрированы литературные параллели.

Вводное стихотворение «Библиомания» представляет собой авторское размышление о судьбе книг в его домашней библиотеке. Ему хочется верить, что книги, — как птицы, выпущенные на волю, не расплятятся бесславно в уличном пространстве, а хотя бы частично вернутся «в бащината къща / след дълъг път...»²².

В болгароязычной части продолжает развиваться лейтмотив одиночества поэта, который звучит пронзительно в стихотворении «Дон Кихот»: «Аз знам, / аз точно знам — / на този свят съм сам. / Но мойта самота е мойта свобода»²³. Легче жить спокойно и бесконфликтно, но в этом мире необходимы Дон Кихоты с их готовностью сражаться со всемирным злом.

Стихотворению «В град Иерусалим» предпослана цитата из «Евангелия от Иоанна»: «Истина, истина ви казвам, че един от вас ще ме предаде»²⁴. Как видно, вопросы преданности и предательства продолжают волновать автора: «В душеите ни — каква неразбория! / Не знаеш, кой ли срещу теб стои — / в предателя месията се крие, / в месията — предател се таи»²⁵. Время наступило такое, что остается вынести оправдание предателю Иуде («И всичко е — всеобща суета... / Живей, не се беси, добри ми Юда!»²⁶).

В эпитафии к стихотворению «Опозиция» нашел место и создатель романтической «Песни о Соколе» А. М. Горький. В отличие от приводимого афоризма «Безумство храбрых... — вот мудрость жизни!» в новых условиях берет верх иное понимание нравственности: «налага се да сме благоразумни»²⁷.

Поэтическому тексту «Позитивизъм» предшествует в качестве эпитафии строка из стихотворения «Петербург» Осипа Мандельштама: «... Я еще не хочу умирать!»²⁸. Автор из Болгарии сближает свое понимание с позицией классика. Он так же лихорадочно ищет выход из создавшегося тупика: «Къде сте вие, старите другари? // Аз все ви търся, — но не ви намирам! / Но може би най-после ще успея...»²⁹.

Мотив «разоренного дома» в тексте «Брак» подхвачен эпитафией из стихотворения Анны Ахматовой «Последний тост» («...Я пью за разоренный

22 LITVINENKO, S.: *Chorošije slova*. Sofija: Multiprint, 2013, s. 7.

23 Ibidem, s. 8.

24 Ibidem, s. 10.

25 Ibidem.

26 Ibidem.

27 Ibidem, s. 11.

28 Ibidem, s. 14.

29 Ibidem.

дом, / За злую жизнь мою...»). В тексте Литвиненко побеждает желание (по всей вероятности, лично пережитое) преодолеть кошмар отношений супругов: «Светът наистина е безнадежно груб. / И затова ще сме безкрайно нежни!»³⁰.

Эпиграф из Иосифа Бродского («...И мир опять качнулся влево, качнувшись вправо...») задает тон стихотворению «Руска телевизия». На взгляд, автора, телевизионная реакция на окружающую жизнь безнадежно запаздывает («По телевизията — вечният Кобзон!», а в реальности «Сменят се сезоните»³¹). Остается неосуществленной потребность выразить невыразимое.

Экспрессивная картина всепоглощающего тумана в Софии ведет к мысли о закоренелой разорванности между людьми: «И в този град мъглив, и в този свят, / от перманентен земетърс разтърсван, / един към друг човеците вървят / като слепци самотни. И се търсят»³².

По убеждению Сергея Литвиненко путь к преодолению разорванности между живыми душами — сотворчество. В стихотворении «Посещение» в эпиграфе припоминается Владимир Высоцкий со строкой «Меня сегодня Муза посетила...». Русский поэт, нередко томящийся на иноземной почве, не теряет веры в спасительность мигнов вдохновения, в каком бы заниженном настроении он ни пребывал («Плебейско битие, библейски бит...»³³).

«Песничка за равносметката» подводит некоторые автобиографические итоги книги. Признавая, что он не Достоевский, лирический субъект удовлетворяется теми благами, которые посылает ему жизнь: «Но времето още е хубаво, / и ти си все още жив. / Повярвай, повярвай в чудото / и Делото продължи!»³⁴.

Тематико-аналитическое обозрение стихов Сергея Литвиненко, представших перед читателями на русском и болгарском языках, дает представление о том, как незаметно складывается форма лирического самовыражения в книге «Хорошие слова». Литературная лексика под напором смысла тяготеет к разговорному контексту. Слова двух стилевых планов организуют убеждающую интеллектуальную эмоцию личности, отделенной от серой равнодушной толпы. Наличие сюжетности напоминает о жанре баллады. Форма приходит как бы сама собой в то время как поэт, — в унисон с его кумиром Борисом Пастернаком, — целиком захвачен эстетическим переживанием смыслов. Литературно образованный автор близок нам своей человеческой безыскусственностью. Нас убеждает его жизненный опыт и понятны его обиды. Откровенность

30 LITVINENKO, S.: *Chorošije slova*. Sofija: Multiprint, 2013, s. 15.

31 Ibidem, s. 16.

32 Ibidem, s. 17.

33 Ibidem, s. 28.

34 Ibidem, s. 41.

и искренность Сергея Литвиненко действительно можно сравнить с мостом, объединяющим души духовно возвышенных людей.

Незадолго до своей кончины поэт стал членом новообразованного Союза русскоязычных писателей Болгарии и его посмертный текст вошел в Альманах «Отражения», выпущенный СРПБ в Софии в 2016 году. В рубрике «Незабытые имена» помещено прекрасное стихотворение С. Литвиненко «Воспоминанья в Доме Герцена», написанное от лица поколения автора и заслуживающее финального цитирования: «И все ж мы были славные ребята, / привязанные всей душой и сердцем / к культуре русской, к Родине распятой / и к нашему лицу — Дому Герцена».

Об авторе

Irina Zakharieva, “St. Kliment Ohridski” University of Sofia,
Sofia, Bulgaria, irina_zaharieva@abv.bg